

В. А. Зверев

СВЯТОЕ РЕМЕСЛО: ПОДВИЖНИЧЕСТВО СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ В МЕМУАРАХ НОВОСИБИРСКИХ УЧИТЕЛЕЙ

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Святое ремесло : подвижничество сельской школы в мемуарах новосибирских учителей / В. А. Зверев // Сибирский педагогический журнал : (науч.-практ. изд.). – 2010. – № 4. – С. 181–192.

Публикуются новые историко-педагогические источники – три текста мемуарного характера, написанные учителями и свидетельствующие об их профессиональной судьбе в контексте истории страны. Описываемые лично- и общественно-значимые события, педагогические процессы происходили в 1925–1926 и 1950–1980-х гг. в дальних сельских школах Новосибирской области (Купинский, Маслянинский и Мошковский районы).

Ключевые слова: историко-педагогические источники, педагогическая мемуаристика, педагогическое краеведение, учительство Сибири, сельская школа.

V. A. Zverev

SACRED OCCUPATION: SELFLESS DEVOTION OF VILLAGE SCHOOL IN MEMOIRS OF NOVOSIBIRSK TEACHERS

New sources of pedagogical history are published in the paper – three memoirs of teachers about their lives and professional carriers in the context of the history of the country. The events described – both personal and socially significant ones – took place in 1925–1926 and in 1950–1980ies at remote village schools of the Novosibirsk Region (Kupinsky, Maslyaninsky and Moshkowsky areas).

Keywords: pedagogical sources, memoirs of teachers, pedagogical local history, teaching in Siberia, village school.

Зверев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, руководитель лаборатории исторического образования и региональной истории Новосибирского государственного педагогического университета, sosna232@yandex.ru, Новосибирск

Zverev Vladimir Alexandrovich – Doctor of History, Professor of the Chair of Domestic History, Head of the Laboratory of Historical Education and Regional History at the Novosibirsk State Pedagogical University, sosna232@yandex.ru, Novosibirsk

Указом Президента Российской Федерации 2010 г. провозглашен в нашей стране Годом учителя. Распоряжение Правительства от 15 июля 2009 г. предусматривает проведение в столице, прочих городах и во всех многочисленных мероприятиях, направленных «на развитие профессиональных педагогических сообществ», организацию «общественно-профессионального обсуждения вопросов профессионального развития педагога», формирование «позитивного образа учителя с помощью средств массовой информации» [2]. Думается, что решению этих важных и злободневных задач могут немало способствовать публичные устные и письменные выступления «простых» учителей. Только сами учителя способны адекватно представить обществу свою профессиональную идентичность, свои достижения и проблемы, свои нужды и заботы, требующие решения с участием всего общества и государства. Одной из форм публичного учительского дискурса (для историка – самой интересной формой), дающей яркую характеристику нашего педагогического корпуса, его локальных отрядов, его роли в социуме – с антропологических позиций и в длительной ретроспективе, являются воспоминания учителей.

Несколько лет назад коллектив кафедры отечественной истории НГПУ издал подборку воспоминаний бывших и нынешних новосибирских деревенских педагогов [3, с. 43–79]. В прошлом году в одном из выпусков «Сибирского педагогического журнала» я поместил еще три «человеческих документа» из коллекции, собранной на кафедре, – воспоминания учителей Новосибирска и Новосибирской обл. об их профессиональной судьбе в контексте истории страны [1]. Указанные публикации вызвали значительный интерес ученых – специалистов по истории педагогики и школьного дела, а также учительской общественности. В данном номере предлагаю читателям новую подборку не публиковавшихся до сих пор мемуаров наших замечательных земляков, сельских школьных учителей.

Коротко о выбранных для печати текстах и их авторах. В Купинском краеведческом музее Новосибирской обл. хранятся фрагменты дневника Мильды Ритмейстер, учительницы из с. Копкуль. Сведений о Мильде

сохранилось немного. Известно, что в 1925 г. она приехала на работу в Сибирь из Саратова, трудилась в начальной школе с 1925 по 1938 г. Была переведена в Купино, в школу № 105, а потом в райсовет по просвещению, позже преобразованный в РОНО. До сих пор в Копкуле старожилы помнят о своей учительнице. Несколько страничек из ее дневника чудом сохранились в бумагах РОНО, в 1989 г. они были переданы в музей.

Автор других публикуемых здесь мемуаров – Сизикова Вера Антоновна, 1938 г. рождения. Она окончила Новосибирский пединститут (начала учиться в 1953-м, завершала обучение заочно, уже преподавая в школе). Учитель географии и биологии. Несколько лет работала в д. Бубенщиковой Маслянинского р-на, ныне не существующей. С 1964 по 2008 г. – учитель Елбанской средней школы. Сейчас пенсионерка. Воспоминания написаны ею в феврале-марте 2010 г., они публикуются здесь с небольшими сокращениями.

Третий текст в подборке – очерк мемуарного характера – предприниматель из пос. Мошково Татьяна Васильевна Кузьмина (1958 г. рождения) написала в апреле 2010 г. Окончив филологический факультет Новосибирского пединститута, она по распределению поехала в Мошковский р-н, 16 лет трудилась в с. Смоленка. Как и в судьбах всей России, в профессиональной судьбе Татьяны Васильевны переломными стали годы перестройки. Романтическое желание внести вклад в обновление школьной жизни, сопротивление косной среды, крах иллюзий, во многом предопределивший уход в 1997 г. из любимого учительского дела – вот канва ее воспоминаний.

Выражаю признательность директору Купинского краеведческого музея *А. А. Овчинникову* за предоставленные материалы, заслуженному учителю Российской Федерации *Т. Ю. Нерода*, аспирантке кафедры отечественной истории ИИГСО НГПУ *Ю. В. Дружининой* – за помощь в подготовке настоящей публикации.

М. Ритмейстер: «Есть люди, которые хотят знать алгебру» (Купинский район, с. Копкуль).

1 октября 1925 г. Мне достался Копкуль. Две параллельные улицы – Кацаповка и Чалдоновка. Школа – бывший амбар. Коридор, одна большая комната, перегороденная занавеской. Доска, столик, табуретка, часы-ходики, 13 поломанных неуклюжих парт... В селе один крестьянин имеет четырехклассное образование, а еще один учится в пятом классе. Остальные – неграмотные люди. Секретарь сельсовета без помощи попа не может справиться с канцелярскими делами.

8 октября 1925 г. Пришла на сходку. Ни одной женщины: «Им не положено решать дела общества». Поздоровалась со всеми общим поклоном и села не в стороне, а поближе к солидным старикам. Они переглянулись, ухмыльнулись и сказали: «Зачем приехала?! Нам така девчонка-комсомолка не надобна. Учитель нужон. Строгий, сурьезный!» Ответила, что уезжать не собираюсь, а пришла объявить, что завтра начну запись учеников в школу. Старики почти хором: «Не признаём таку учительшу». Эти слова были сигналом – запугать, отвадить от посещения сходок... Хотелось расплакаться, но никто об этом не должен знать.

На мое объявление ни один ученик на запись не пришел, мои расклеенные бумаги о начале занятий кто-то посрывал. Тогда я пошла по дворам и записала 80 ребят.

25 октября 1925 г. 11 октября – первый учебный день в школе. Дети в самотканой одежде, в самодельной обуви. У всех холщовые торбы. Выделяется один из третьего класса – Семён Кузьменко: с бравым чубом, с кольцом на руке и кisetом в кармане. Он [всего] на несколько месяцев моложе меня.

15 ноября 1925 г. После второй смены замешкалась на работе. За порогом – грязь и темнота. Вдруг дверь открывается, и вваливаются взрослые парни. У этой компании плохая слава: часто дерутся и выпивают. Думаю: «Неладное затеяли». Вожак спрашивает, можно ли сесть. Разрешаю. Сняли шапки, кое-как втиснулись за парты. Переглянулись, зашептались. Потом один спрашивает: «Учительница, а ты алгебру знаешь?» – «Знаю». – «Расскажи нам эту науку».

Малограмотным – алгебру? Подумавши, отвечаю: «Эту науку нельзя вам рассказывать. Я могу показать алгебру». Иду к доске, беру мел, составляю и решаю уравнения, извлекаю квадратные корни. Парни, затаив дыхание, слушают. А я говорю и говорю, исписываю доску алгебраическими знаками.

«А почему вас интересует алгебра?» Оказывается, первая копкульская учительница говорила им, что самая главная и мудрая наука – алгебра...

Парни кланяются мне и уходят. Я тоже с крыльца шагаю в грязь и темь кромешную. Но иду бодро. Пусть горят огни на улицах далекого города. Мне нельзя возвращаться туда. В Копкуле живут люди, которые хотят знать алгебру.

15 декабря 1925 г. Недавно похоронили старика Шабалдина. В могилу ему положили крынку с квасом, чистое белье, веник березовый. Тетка Аксинья мне обстоятельно ответила на мой изумленный вопрос – почему? «Ведь душа-то святая до рая сорок дён пойдёт. Дорогою запылится, затомятся. А у райских ворот банька стоит. Помоемся, свежим веничком попаримся, чистое белье наденет, кваску попьет. Потом душа в райские ворота стучаться станет». И это говорить не полоумная старуха, а толковая по хозяйству уважаемая тетка Аксинья.

25 января 1926 г. Комсомольцы организовали подписку на газету «Беднота» и журнал «Сам себе агроном». Подписчиков много. Но большинство на подписном листе ставит крестики вместо фамилий: «Ребятишки вслух читать будут. Спасибо учительнице, хорошо учит сорванцов».

15 ноября 1926 г. Сегодня в Копкуле историческое событие: народ вступает в ОДН – Общество «Долой неграмотность!» На созванное по этому поводу комсомольское собрание пришли и 45 бородачей. Все они вступили в ОДН. Одно горько: на собрании не было женщин. Ничего, лед тронулся, они тоже придут. Уже сегодня вечером за школьными партами полно взрослых учеников. Раскрыли буквари и учатся складывать по слогам: «Мы не ра-бы. Рабы не мы».

В. А. Сизикова: «Мы – из хорошей школы» (Маслянинский район, с. Елбань).

У нас, детей военного времени, детство было не золотое. Работать начали рано. В семье ухаживали за младшими детьми, помогали по хозяйству, в огороде. Праздной жизни не знали ни дети, ни родители. Развлечений тоже не было. Радио, телефон, газеты, книги появились в домах после войны, и то не сразу. Мама где-то находила книги, списывала стихи, и мы всей семьей заучивали их. Соседские девочки постарше читали нам интересные сказки, рассказы. Книги им давала учительница.

Помню свой первый школьный день, когда с другими детьми впервые переступила школьный порог. Учительница – молодая, красивая, нарядно одетая – проводила меня, показала место в классе и познакомила с девочкой, с которой я должна сидеть. Учебников мне не досталось. Видимо, Мария Евдокимовна (так звали нашу учительницу) увидела мое разочарование и отдала мне свои новые учебники с красивыми картинками. От радости у меня перехватило дыхание. Как я радовалась! Для меня книга – это было что-то святое, как и учитель – человек внеземной жизни.

Милая первая учительница, а позднее и все учителя, что меня учили, стали моими вторыми родителями. Сколько было мудрости, терпения, доброты в их прекрасных душах!

Днями в летнее время село пустело: все взрослые и старшие дети были на работе в поле. Дома оставались старики и маленькие дети. Помню, как моя первая учительница летом во время созревания земляники собирала нас и вела за деревню на полянки, красные от ягод. Набрав корзинки, мы шли купаться на реку, плескались в теплой воде, грелись, загорали на чистом песчаном пляже. Родители с утра до ночи были на работе, нам строго наказывали: из дому одним никуда не ходить. И какая бывала радость, когда кто-то из детей кричал: «Идет Мария Евдокимовна, пойдёмте все за ягодой!» Вот так учительница стала для нас эталоном. После окончания школы я знала, что пойду учиться в пединститут.

Когда сама стала учительницей, я поняла, что всю трудовую жизнь буду находиться в лучшей части не стареющего человеческого общества. Меня

всегда будут окружать любознательные доверчивые дети в возрасте от 7 до 17 лет. И это действительно так. Среди молодых и сам себя чувствуешь моложе. Души детей – что белые страницы. Учителю остается умело вести их в мир знаний, закладывать в их души ценности человеческого бытия.

У меня почти 50-летний стаж работы. За это время изменились несколько и ученики. В начале работы почти все дети были из больших семей. Они были приучены к труду, усидчивости, ответственности. В семьях им приходилось присматривать за малышами, помогать по дому, по хозяйству, – их изначально готовили к трудовой жизни. Из своего детства знаю, что самая кропотливая и ответственная работа – это присматривать за малышами. Их нельзя оставить даже тогда, когда они засыпают. Дети были помощниками в семье, а не предметом забав. С этой категорией детей работать было легче. Они были доброжелательными, исполнительными, легко шли на контакт. Позднее и в селе семьи стали не многодетными. Детей стали больше опекать, создавать условия для отдыха и развлечений. И это не всегда шло на пользу, в первую очередь самим детям.

Я проработала в средней школе 45 лет. За исключением нескольких последних лет, работали в две смены, а точнее – в три. В первую и вторую вели уроки. После второй смены – другие мероприятия. В школе было более 600 учеников. Занимались в двух зданиях, которые раньше принадлежали купцу. Все дни были расписаны. Понедельник: политзанятия, педсоветы, профсобрания, совещания при директоре, родительские комитеты, собрания. Вторник: день кружковой работы 5–8 классов, дополнительные занятия в старших классах, консультации. Среда: день кружковой работы в 9–11 классах, дополнительные занятия, консультации в 5–8 классах. Четверг – пионерский день: дружинные и отрядные сборы, вечера. Пятница – комсомольский день: комсомольские собрания, школьные вечера, КВН, диспуты, читательские конференции. Суббота – санитарный день. Классный руководитель должен был организовать и провести уборку классного помещения.

Ко всему этому нужно было найти время, чтобы подготовить детей к смотру художественной самодеятельности, празднику урожая, Дню защитников Отечества, 8 марта, к маевке и Дню Победы. Итоги работы подводились на педсоветах.

Была и такая работа – связь с производством. За классом закреплялось какое-то предприятие. Классный руководитель рассказывал об учебе детей, родители которых здесь работают. Дети готовили концерт художественной самодеятельности. Посещали производство один раз в месяц.

Обязательным было посещение детей на дому один раз в четверть. В обязанность классного руководителя было вменено посещение кино с детьми с последующим обсуждением. Организовывались рейды по проверке выполнения режима дня. Ежегодно писали характеристики на всех учеников класса.

Работала лекторская группа. Каждый учитель выступал с лекциями, беседами перед детьми и населением. Учительский коллектив принимал участие в сельской художественной самодеятельности.

Весь год, практически, помогали совхозу в работе со льном. В сентябре-октябре убирали лен на полях. После пяти уроков шли на поле и работали до 6–7 часов. Утром по расписанию шли на занятия. Работали в таком режиме за исключением ненастных дней. В иные годы День учителя не отмечали, некогда было.

Учитель на поле работал вместе с детьми. Даже частушку сочинили: «Ой, пойду писать я планы, да тетради поверять. Завтра будет пять уроков, после лен пойдем вязать». Зимой после уроков, когда не было больших метелей и морозов (это ближе к весне), ходили на обмолот льна на льнозавод. Летом, особенно 10-е классы (у них была обязательная месячная практика), ходили на поле сортировать лен. Разбирали скирды снопов, каждый сноп развязывали, убирали сорняки, выравнивали стебли и связывали аккуратные снопы. Так весь день под палящими лучами солнца при 30-градусной жаре дети работали. Руки у всех были исцарапаны, в занозах. Практику надо было пройти обязательно, иначе не возьмут в 11 класс. Это было в июне.

Всю эту нелегкую работу возглавлял директор школы фронтовик Васильченко Степан Васильевич. Человек очень порядочный, справедливый, требовательный к себе и людям. Учащиеся и учителя его любили и уважали. Мы чувствовали себя уверенно под его защитой. Дисциплина среди учеников и учителей была железная. Никто не мог позволить себе не выполнить указание директора.

Я всегда работала в сельской школе. У нас не было театров, но почти каждого человека можно было назвать артистом. Музыкальная, песенная, хореографическая культура жила в каждом. Как прекрасно исполнялись песни детьми и взрослыми! Заслушаешься! На праздниках были удалые пляски и добрый юмор. Каждый в душе чувствовал себя человеком.

Видимо, на формирование внутреннего мира ребенка влияла сама природа. Все жители села проходили через ее индивидуальный университет. Все свободное время и по сей день елбанцы предпочитают проводить в природе. Зимой на лыжах, на рыбалке, летом – на речках, в лесах за грибами-ягодами... Довелось и мне через детей окунуться в мир природы. Дети больше раскрываются во внеурочное время. Как они знали и ценили природу! Я уж не говорю о народных приметах. Походы детей в природу практиковались и зимой (все горы были исписаны лыжами), но больше летом.

В одном из походов ранней весной, когда появились проталины в лесу, один мальчик показал нам бурундуков. Велел всем присесть и затаиться. Сам стал манком издавать своеобразные звуки. После третьего-четвертого свистка со всех сторон стали показываться любопытные мордочки зверьков. Очень осторожно они продвигались к нам. Полосатенькие, хвостики поднятые, глазки-бусинки горят. Они подбегали к нам вплотную, а некоторые забирались даже на людей. При малейшем шорохе кидались врассыпную. Другой мальчик поведал, что если из дупла на дереве торчат тоненькие прутики, не верьте этому – это лапки дятла. Так он маскирует вход в дупло. В этом мы убедились воочию.

Интересно было наблюдать за насекомыми. Все с интересом смотрели, каким способом издает звуки кузнечик, как летают стрекозы, какие домики-

чехольчики у личинок бабочки-ручейника. Находили домики паука-водомерки и т. д. Дети знали, где можно отыскать земноводных, ящериц, ежей. А завораживающие звуки поющих птиц заставляли всех затаить дыхание. Пение жаворонков, соловья, варакушки (птицы-пересмешницы), перепелки, иволги, кукушки, трубные звуки журавлей, скрипучий голос коростеля...

Примерно до 1980-х гг. мы в школе не знали пропусков уроков, опозданий. Всё было отлажено, как часы. Никаких эпидемий гриппа не было. Я считаю, что знания в то время у детей были хорошие, не было практически второгодников. Вся школа жила на одном дыхании. Победы наших детей на районных, областных и даже всероссийских конкурсах были и остаются по сей день. А сколько радости и удовлетворения они приносят в наши учительские сердца! Учитель горд своим учеником.

Пусть в материальном плане мы были не из лучших, но на жизнь хватало до перестройки. Пусть все время было отдано детям, школе, зато какой широкий круг общения: дети, родители, учителя, встречи на конференциях, курсах повышения квалификации учителей, методических секциях.

Хорошо было и то, что учитель всегда должен был идти в ногу со временем не только по своему предмету, но и в общественной жизни. Ведь мы проводили политзанятия, работали в лекторской группе. Учитель к тому же был еще и психологом. Надо было совершенствоваться и здесь. Нелегкая, но интересная работа учителя. И мало кто получает больше благодарственных слов, писем и открыток, чем учитель.

На особом счету стояла наша школа по занятиям лыжным спортом. Трижды в неделю и все выходные дни большая часть школьников была на лыжне. Снег настолько укатают, что взрослое население зимой ходило в лес без лыж. Почти все кубки района хранились в Елбанской средней школе. Возглавлял эту работу физрук Волокитин Василий Петрович, под девизом: «В здоровом теле – здоровый дух».

Как-то один ученик слабо выступил на лыжных районных соревнованиях. В школьном буфете одноклассники пошутили: «Пей больше киселя, живее

будешь». На это молодой учитель истории Молодин Вячеслав (ныне академик РАН), сидевший за столиком со стаканом киселя, заметил: «Так вот, оказывается, почему все кубки района находятся в Елбанской школе». Дело в том, что в школьном буфете на протяжении многих лет кормили одним киселем. После работы в нашей школе, так сказать, «с киселя» учителя поступали в аспирантуру. Казанский Олег Анатольевич, Казанская Галина Александровна, Молодин Вячеслав Иванович, Молодина Светлана Федоровна, Ощепков Петр Андреевич...

Дети 1960–1970-х гг. были более ответственными, чем сейчас. Во время походов они были настолько самостоятельными, что заставляли приятно удивляться. Сами распределяли обязанности по группам. Одни отвечали за сбор хвороста, другие за костер, третьи устанавливали палатки, следующие готовили обед. Устанавливали круглосуточное дежурство у костра.

За обедом первую порцию всегда подавали мне, а потом шли по кругу. Ни к какой работе меня не допускали. Говорили: «Мы сами, Вы отдыхайте». Были надежными. В беде никого не оставят. В одном из походов у мальчика сгорел ботинок, а идти надо было по бездорожью. Так дети по очереди снимали обувь, отдавали Егорычу (так они в шутку называли мальчика), а сами шли босой ногой некоторое время. А как прекрасно они пели! Что характерно, дети всегда были бодрые, жизнерадостные, остроумные. Никогда и ни на что не обижались, не жаловались. Зануд среди них не было.

Помню, в одном из походов мы остановились у небольшого села Тычи. И кто-то из ребят предложил: «Давайте выступим перед жителями села с концертом». Идея понравилась, нашлись танцевальные, вокальные, хореографические группы, акробаты. Все упиралось в музыку. Баянист был, а вот баяна не было. Поручили группе ребят идти в село, встретиться с завклубом. Если найдется баян – писать объявление, «артисты» готовы. Вечером после работы селяне с пессимистическим настроением занимали места в клубе. А после концерта никак не хотели отпускать, просили исполнить еще

что-нибудь или повторить понравившийся номер. В душах этих детей не было ничего негативного: чистенькими были, что природные роднички.

И здесь окружающая природа, пребывание детей в этой стихии делали свое дело. В общем, в то время дети, учитель, природа, да и общество послевоенное шли в унисон.

Большая часть учащихся, получив среднее образование, шла учиться дальше. В селе оставались те, у кого было трудным материальное положение, но и те стремились получить специальность, обучались заочно. Приятно было нам, учителям, когда дети рассказывали: при сдаче документов в вуз они услышали: «О, ты из хорошей школы!»

Т. В. Кузьмина: «Верили, что всё у нас правильно...» (Мошковский район, с. Смоленка).

В 1978 г. мы с мужем пришли работать в Смоленскую среднюю школу. Это было время, когда учитель в селе еще был очень значимой фигурой, и я, 20-летняя девчонка, сразу стала «Татьяной Васильевной», – не только для учеников, но и для всего села. Кроме учебной нагрузки, навалилась огромная общественная работа (иначе тогда было нельзя), но это как-то не ощущалось. Я всегда любила свою работу. Всегда. Получалось – была счастлива по-настоящему, нет – очень тяжело переживала. Долгие годы меня «держали» слова Степана Ивановича Якуба, моего первого директора: «Хорошая учительница из Вас получится, Татьяна Васильевна». Это он мне сказал после того, как практически «разгромил» мой урок, – в заключение. Так вот, я потом работала и очень надеялась, что это правда.

А работала я с удовольствием, увлеченно, без оглядки. Все было мне тогда интересно – и монотонные педсоветы, и скучные политзанятия, и заорганизованные комсомольские, а потом и партийные собрания, не говоря уже об открытых уроках и школьных мероприятиях. В 1984 г. меня пригласили на должность организатора внеклассной и внешкольной воспитательной работы. Я тогда очень обрадовалась. Во-первых, конечно, тешило самолюбие

то, что меня заметили; во-вторых – ведь это было то, что я любила больше всего. Такой простор для творчества! Тем более, что с 1985 г. многое стало меняться, – было начало перестройки. Мы тогда из рук не выпускали «Учительскую газету», «Литературку», журналы «Юность», «Огонек», «Новый мир». Все было ново, необычно, интересно, все постоянно обсуждалось дома, в коллективе, на уроках. Главная тема, конечно, – новаторство в педагогике. Мы тогда сразу подхватили новые идеи, самозабвенно внедряли их в школьную жизнь.

Коллектив у нас тогда сложился неплохой. Так случилось, что я сыграла в этом большую роль, хотя поначалу мое назначение на должность организатора все восприняли негативно: «Очень уж молодая, будет еще *она* нас учить!» К счастью, я с самого начала поняла, что вся моя работа зависит от работы классных руководителей. Нужно было ее организовать, а тут уж не покомандуешь, – надо было договариваться. Тем более, что мы тогда работали по методике И. П. Иванова, готовили коллективные творческие праздники. Главное было – творческий подход и коллективное (все до одного!) участие в делах. Настоящим соратником моим и другом стала тогда Людмила Александровна Гузиенко, пионервожатая. С ней мы придумывали самые, казалось, невероятные для сельской школы проекты. И ведь всё получалось!

Но придумать – одно, а выполнить... Каждому классу мы давали творческое задание, месяц они его готовили. И весь месяц как я только ни изворачивалась, чтобы к коллективному школьному празднику все было готово, в том числе и творческие отчеты. Приноровилась к каждому учителю. Валентине Ивановне, например, нужно было только подбросить идею, дальше она с классом всё сделает на пятерку. Тамару Прохоровну требовалось постоянно подбадривать. У Тамары Ильиничны ребята сами всё придумают, а вот репетировать – это надо с ними посидеть, а у нее не хватало терпения, и я репетировала сама, ей давала какую-нибудь бумажную работу. Молодежи это все нравилось, работали с удовольствием. И вот так незаметно совершенно разные люди как-то слились, изменились взаимоотношения, образовался дружный хороший рабочий костяк.

Какое это было счастливое время! По всей стране гремела перестройка, мы все свято верили в нее, внедряли, как умели, новаторские идеи в школе. Я уже тогда была членом партии, членом парткома Смоленского совхоза. Верила, что всё, что происходит в нашей стране, – всё правильно, впереди у нас действительно светлое будущее! Досадно было только то, что с директором школы мы не находили общего языка.

А. В. был, что называется, «типичным представителем» застойных времен. Он потихоньку сделал карьеру и хотел просто спокойно дожить до пенсии. Он и меня-то заместителем взял потому, то рассчитывал на мою неопытность и покладистость. А тут вдруг начинается в школе какая-то шумиха, какие-то подозрительные диспуты, «неподготовленные» собрания, постоянные гости из соседних школ и из районо, открытые мероприятия, – в общем, очень беспокойная жизнь. У А. В. складывалось твердое убеждение, что я хочу занять его место. И хотя я порой прямо говорила ему: «Не хочу я быть директором! Директор – это в большей мере хозяйственник, а я люблю творческую работу!» – это не помогало.

Ко мне стали приезжать из райкома партии, из районо и предлагать должность директора в других школах, – я упорно отказывалась. Теперь понимаю, что меня просто хотели убрать из этой школы по приватным просьбам нашего директора, а тогда – нет, не понимала. Да и как было уйти, расстаться с таким коллективом! К тому времени мы уже были если не командой, то, по крайней мере, работали очень дружно и слаженно. Вот в этом я как раз и «виновата».

Пока педагогический коллектив был разобщен, никто не задумывался о методах работы нашего директора, о его политике. А к 1987 г. все уже были убеждены, что ни директор, ни завуч наш не способны ни на какие преобразования, тем более – повести за собой коллектив. В свете тех перемен, которые происходили в стране, стали особенно невыносимы наши «дохлые» педсоветы, политзанятия и т. д. Я говорила на планерках о том, что нужно многое менять в методической работе, в общем руководстве... Хорошо помню

многозначительные взгляды, которым обменивались директор и завуч. Конечно, я теперь понимаю их, – отработали столько лет, и теперь какая-то соплюха пытается их учить! И не обязательно, что я была во всем права (особенно, мне кажется, по форме), но ведь нужно же было хоть как-то, хоть чуть-чуть пытаться соответствовать духу времени. Я точно знаю, что было бы все по-другому. А тогда начал назревать конфликт, потому что и на педсоветах все чаще возникали напряженные разговоры, копилось недовольство.

Поводом к открытому конфликту послужил случай. Завуч наша в 1985 г. перевела в Смоленскую школу, в 10 класс, свою племянницу из Новосибирска. В середине года классный руководитель 10 класса, намучившись с трудной девочкой, решила поехать в ту школу, где она училась раньше. Оттуда приехала потрясенная: оказывается, М. оставлена в 9 классе на второй год, а у нас учится в 10-м! Это было ЧП. Все ждали реакции директора. Прошла неделя – всё было по-прежнему. И тогда ко мне пришли молодые девчонки, которые работали у нас первый год. Задавали вопросы, на которые не было ответа: «Как такое возможно? Почему нас наказывают за малейшую оплошность, а такие вещи замалчиваются? Как мы теперь должны относиться ко всем замечаниям завуча, если она сама нечиста на руку?»

Вот с этого всё и началось. Хочу сразу заметить, что конкретно в этой ситуации я никакой роли не играла. Всё предопределилось намного раньше, когда мне удалось сплотить коллектив. Это уже была сила, от которой не отмахнешься, которую не уберешь в другую школу. Единственное, что я попросила всех: не писать никакой жалобы, а обратиться к своему директору. Было написано и передано директору коллективное письмо о нежелании работать с завучем, так как она скомпрометировала себя.

Никто не ожидал, что последует далее. Пишу сейчас об этом и снова становится больно. Наивные, мы были уверены, что поступаем честно и открыто, что упрекнуть нас всех не в чем, и потом – мы же вместе, нас много! И потом – сейчас ведь совсем другое время! Но хорошо смазанные, проверенные колеса Старой Системы двинулись. На другой же день был

назначен педсовет. Мы были почти спокойны – ведь никто ни в чем не виноват. Думали, что поговорим, всё обсудим в своем коллективе, придем к какому-то общему решению. Но к назначенному времени в школе вдруг стали собираться члены совета школы (который до этого практически бездействовал, в чем часто упрекали директора), члены парткома совхоза, представители районо во главе с заведующим.

И началось. Выступающие, все хорошо подготовленные, как надо проинформированные, с заранее написанными речами, выходили один за другим и клеймили нас позором. Причем директора, завуча и трех человек, которые их поддерживали, называли «коллективом», а нас – «отщепенцами», «гнилой интеллигенцией», «грязными заговорщиками». Больше всего досталось мне. Что только я о себе не услышала! И что было самое тяжелое – говорили это люди, которые не раз хвалили меня со всех трибун, в личных беседах сетовали, что директор наш «не тянет». Еще было очень тяжело, непонятно и даже страшно порой то, что ни на этом педсовете, ни впоследствии нас никто не слушал, никто даже не пытался вникнуть, разобраться.

Сколько раз дорогие мои друзья и соратники смотрели на меня с надеждой: «Татьяна, скажи, выступи, объясни, – ты можешь!» И я выступала, говорила, объясняла... Знаю, что это звучало разумно, аргументировано, но ответом было ледяное молчание. Либо начиналась демагогия: «Как Вы могли, Вы же коммунист, как можно было допустить грязный заговор в коллективе», – и так далее. Помню, как сразу после этого педсовета меня поздно вечером, чтобы никто не видел, пригласил к себе в кабинет секретарь парткома Токарев Сергей Михайлович. Вот его слова: «Сейчас я тебе Татьяна, расскажу всё, что будет дальше. Решено, что виновата во всем ты, ты и будешь отвечать. Сначала тебя выведут из состава парткома, потом будут разбирать личное дело коммуниста Кузьминой на партсобрании, потом – на бюро райкома. Такая система (тогда я познакомилась с этим словом), ничего не сделаешь. Терпи». Еще запомнились слова: «Ты стала играть не по правилам, а это нельзя». И знаете, я не поверила ему. Думала, была уверена, что все равно где-то в облоно, в обкоме партии или

в том же райкоме найдется человек, который всё поймет правильно. Через год вспомнила этот наш разговор и ужаснулась – всё произошло так, как Токарев и говорил.

Работать стало невозможно. Шли бесконечные собрания, педсоветы, приезжали делегации отовсюду, ездили куда-то мы – тоже делегациями. Из той склоки, которая образовалась в результате, уже трудно было вытянуть истинную причину конфликта. Мы пытались как-то переломить ситуацию, просили, требовали назначить выборы директора, но всё было напрасно. Нервы сдавали, и этим воспользовалось наше руководство. Сергей, мой муж, работавший тогда в школе военруком, оскорбился на несправедливое замечание и написал заявление об увольнении. Его тут же подписали и пустили в ход. Я поехала в районо, решив еще раз откровенно поговорить с заведующей, но вместо разговора получила на руки выписку из приказа о своем увольнении. Не побрезговали пойти на то, что использовали заявление трехгодичной давности, которое я написала однажды в порыве эмоций.

Конечно, мы растерялись. Главное – непонятно было, что делать. Все-таки двое детей, а мы в марте месяце остались без работы. Однажды утром Сергей не выдержал: «Всё, уезжаем!» Я промолчала. Не было сил спорить. Как-то смутно помню Тогучинское районо, потом деревню Владимировку, где были для нас рабочие места. Директор школы, очень милая женщина, сильно переживала – вдруг нам не понравится, и мы больше не приедем. А председатель колхоза сразу спросил: «А почему вы в такое время ищите работу?» Как-то отговорились, я проплакала всю обратную дорогу от обиды: почему я вынуждена вилять, ведь ничего позорного в нашей жизни не было, а получается, что мы стали изгоями.

Приехали мы поздно вечером, зашли домой – и онемели. Весь наш многострадальный учительский коллектив был у нас в квартире, даже старый трудовик Леонид Григорьевич, это меня поразило больше всего. Первой в тишине заплакала Валентина Ивановна: «Таня, не уезжай! Без тебя мы не выстоим!» Вот так мы и остались, и все вместе решили восстанавливаться на

работе. Через суд. Для района это было, конечно, грандиозное ЧП. Два месяца ушло на «хождение по мукам». Причем мы всегда держались вместе.

Очень тяжело все это было, но все-таки мы были не одни, а главное – стояли на своем до конца. Отказывались признавать прежнее руководство, окончательно скомпрометировавшее себя. Никто так и не смог загнать коллектив в прежние рамки, заставить склонить головы, пойти на компромисс – ни райком, ни обком, ни облоно, ни многочисленные комиссии. Досталось, конечно, не только нам с Сергеем. На каждого искали компромат, пытались прижать поодиночке. Но так ничего и не добились.

Решением суда нас восстановили на работе, а к осени сняли с должности и директора, и завуча. Ну, и меня, конечно. Но это уже было не важно, важно было сохранить коллектив. Я дождалась, пока меня «накажут» по партийной линии, и подала заявление о выходе из партии. Опять, конечно, навлекла на себя гнев всего районного начальства, но к этому времени уже сформировалась четкая жизненная позиция. Я хотела и умела работать, этого никто отнять не мог, и это было главное. Тем более, что рядом были друзья.

Библиографический список

1. **Зверев, В. А.** Человеческие документы [Текст]: прожитый век в воспоминаниях новосибирских учителей / В. А. Зверев // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 1. – С. 311–322.

2. **План** основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года учителя [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 15 июля 2009 г., № 944-р. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/prav/obr/55381/> (дата обращения: 15.04.2010).

3. **Школа** в социокультурном пространстве села Новосибирской обл.: история и современность [Текст] / редкол.: З. П. Горьковская, К. Е. Зверева, Л. В. Котович [и др.]. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – 96 с.